

ББК 87.3(2:4)
УДК 130.2

Оксана Михайловна Седых

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета, Россия, Москва, e-mail: oksanas@inbox.ru

Конкретная метафизика «Божественной комедии»: «Мнимости в геометрии» П. Флоренского и дантеана Серебряного века¹

Аннотация. В 1921 году к 600-летию юбилею Данте Алигьери философ Серебряного века священник П.А. Флоренский закончил работу над книгой «Мнимости в геометрии». В ней показано, что средневековая картина космоса, развернутая в «Божественной комедии», получает подтверждение в свете данных современной науки. Книга была опубликована в 1922 г. и с тех пор комментировалась с разных точек зрения. Нами поднимается вопрос, который практически не затрагивался в существующих исследованиях: в каких аспектах взгляд Флоренского на Данте встраивается в «дантеану» («дантовский текст») Серебряного века. Рассмотрены подходы к творчеству Данте, в контексте которых формировалась позиция автора «Мнимостей в геометрии», приоритет отдан взглядам русских религиозных мыслителей. Предполагается, что такая постановка вопроса позволит пояснить феномен «русского Данте», об оригинальности которого говорится в большинстве релевантных исследований. Показано, что восприятие Данте русской мыслью связано с оценкой историко-культурного положения его творчества. В этой связи особое внимание уделено предпринятой русской мыслью переоценке устоявшегося взгляда на Средние века и Ренессанс. Делается вывод, что причина повышенного интереса к феномену Данте со стороны религиозно-философской мысли Серебряного века состоит в признании близости собственным мировоззренческим установкам того типа символического мировосприятия, который представлен в «Божественной комедии». В учении П.А. Флоренского такой тип мировосприятия получает не только философское, но и естественно-научное обоснование, и определяется понятием «конкретная метафизика».

Ключевые слова: книга П. Флоренского «Мнимости в геометрии», конкретная метафизика, дантеана, космос Данте, символ, символизм, ночные культуры, дневные культуры, Античность, Средние века, Ренессанс

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия». (The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of the Moscow University "Preservation of the world cultural and historical heritage").

Oxana Mikhailovna Sedykh

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, associate professor, Russia, Moscow,
e-mail: oksanas@inbox.ru

The Concrete Metaphysics of the “Divine Comedy”: P. Florensky’s “Imaginarities in Geometry” and the Dantean of the Silver Age

Abstract. In 1921, on the 600th anniversary of Dante Alighieri, the Silver Age philosopher and priest Pavel Florensky finished writing his book “Imaginarities in Geometry”, in which he demonstrated how the medieval picture of cosmos unfolded in “Divine Comedy” was confirmed in the light of modern science. The book was published in 1922 and has since been commented from various points of view. This article raises a question that has hardly been touched upon in the Florenskian scholarship: i.e. in what aspects does Florensky’s view of Dante fit into the “Dantean” (“Dante’s text”) of the Silver Age? In this respect, other approaches to Dante’s work in the context in which Florensky’s position was developed are considered, with a special focus on the views of Russian religious thinkers. One of the main hypotheses of this article is that such a way of posing this question is useful to explain the phenomenon of “Russian Dante”, whose originality is mentioned in a number of relevant studies. This article also reveals the way in which the perception of Dante by Russian thought is connected with the assessment of the historical and cultural position that his work occupies. In this regard, particular attention is paid to the re-evaluation of the consolidated vision of the Middle Ages and the Renaissance undertaken by Russian thought. In conclusion, the reason for the increased interest in the phenomenon of Dante within the Silver Age religious and philosophical thought is the recognition of proximity to their own ideological attitudes of the symbolic worldview as is presented in the “Divine Comedy”. In Pavel Florensky’s thought this type of worldview receives not only a philosophical, but also a scientific justification, and is defined by the concept of “concrete metaphysics”.

Key words: P. Florensky’s Book “Imaginarities in Geometry”, Concrete Metaphysics, Dantean, Dante’s Cosmos, Symbol, Symbolism, Night Cultures, Day Cultures, Antiquity, Middle Ages, Renaissance

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.1.067-085

К началу 1920-х гг. «дантовский текст» Серебряного века в значительной мере сложился в основном благодаря русским символистам. Однако пристальное внимание, которым фигура Данте Алигьери оказалась окружена в ходе юбилейных мероприятий 1921 г., способствовало появлению новых ракурсов во взгляде на его творчество, и, вероятно, самый новаторский представлен в книге священника Павла Флоренского «Мнимости в геометрии» (1922 г.). Эту книгу философ начал писать будучи студентом-математиком Московского университета. В 1921 г. были дописаны заключительные параграфы, включая девятый, посвященный Данте. В нем автор реабилитирует Птолемево-Дантову космологию, т.е. средневековое миропонимание, кристаллизацию которого видит в «Божественной комедии» как наивысшем образце мировоззренческого синтеза, какой был возможен в эпоху Данте. Подобный синтез, но на уровне

современного мировоззрения Флоренский считал своей жизненной задачей и в этом отношении возлагал большие надежды на современное естествознание.

Современная наука, как полагает Флоренский и как показано в «Мнимостях»², перестраивается на принципы, опровергающие нововременную и подтверждающие средневековую картину мира. Поэма Данте позволяет понять, в чем конкретно состоит такая переориентация. Маршрут, проделанный Данте и Вергилием в «Комедии»³, допускает вывод, что пространство Данте устроено по типу римановой сферической геометрии (переворот героев в конце Ада, у поясицы Люцифера, позволяет соотнести траекторию их движения с замкнутой конечной односторонней поверхностью, т.е. римановой плоскостью). Поскольку на геометрии Римана базируется теория относительности, в арсенале автора, помимо математики, оказывается современная физика. Эти теории в купе с оригинальной трактовкой мнимых величин, изложенной в первых восьми параграфах книги, позволяют обосновать основные положения средневековой космологии: конечность, сферичность, качественную разнородность земного и небесного миров, прерывный переход между ними. В этом, по словам Флоренского, состоит «юбилейный подарок Средневековью от враждебной ему галилеевской науки» – «прямое подтверждение великой поэмы, хотя и более, чем через 600 лет»⁴.

Не вдаваясь в физико-математические подробности, выделим ряд положений книги, важных в свете дальнейшего изложения.

Во-первых, в «Мнимостях» дается физико-математическое обоснование символа. Как известно, Флоренский развивал философское учение о символе, основанное на платонизме. В книге утверждается физическая возможность мира Платоновых идей, который для автора эквивалентен Эмпирею средневековой космологии, т.е. месту Бога, святых, ангелов, а также аристотелевскому царству целей и кантианскому миру ноуменов. С точки зрения теории относительности речь идет об условиях жизни, наступающих при сверхсветовых скоростях. Достигая скорости света, тело приближается к границе Земли и Неба. В античной и средневековой космологии эти области считались качественно разнородными, различными по физическим характеристикам, что при таком подходе находит подтверждение. На границе тело утрачивает протяженность и земные характеристики, а при переходе через световой барьер обретает отрицательные («мнимые») параметры. Наступает «область небесных движений и небесных явлений»⁵ – качественно иные условия жизни, трансцендентные

² Здесь и далее название книги П. Флоренского «Мнимости в геометрии» дается в сокращенном варианте («Мнимости»).

³ Здесь и далее название произведения Данте «Божественная комедия» дается в сокращенном варианте («Комедия»).

⁴ См.: Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии (опыт нового истолкования мнимостей). М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 48–50 [1].

⁵ Там же. С. 51.

нашему опыту. Таким образом, обращение к космологии Данте позволяет автору «Мнимостей» выстроить физико-математическую модель символа: доступная нам земная реальность есть поверхность символа, его феноменальная сторона, Небо – ноуменальная, актуально бесконечная глубина. Эти реальности неотрывны друг от друга и в то же время, будучи качественно разнородными, не способны слиться воедино. Иначе говоря, Земля и Небо объединяются по формуле, которую Флоренский находит для символа: неразрывное и неслиянное соединение феномена и ноумена.

Во-вторых, философ полностью доверяет художественному вымыслу поэта. Путешествие Данте он предлагает считать действительностью; даже если оно является поэтической действительностью, оно мыслимо и представимо, значит, содержит данные для уяснения естественно-научных предпосылок. «Моя мысль, – поясняет Флоренский, – взяв подлинные слова Данте, показать, что символическим образом он выразил чрезвычайно важную геометрическую мысль о природе и пространстве» [2, с. 339]. Доверие поэтическим описаниям Данте позволяет автору «Мнимостей» отождествить траекторию движения Данте и Вергилия с римановой прямой. Иначе говоря, принятие Дантовых образов во всей их конкретике открывает путь к постижению реальности высшего порядка.

В-третьих, в «Мнимостях», посредством естественно-научных интерпретаций изложены базовые положения философии культуры П.А. Флоренского. Апология Средневековья предполагает критику Ренессанса и Нового времени, которые, подчеркивает философ, ошибались в своих представлениях о Вселенной. К моменту выхода «Мнимостей» задача реабилитации средневекового мировоззрения Флоренским была решена на ином материале – в работах об иконическом искусстве, которое, как и «Божественная комедия»⁶, передает средневековые представления о мире. По замечанию Д.М. Бетеа, в «Мнимостях» русский философ «построил то, что можно назвать математической иконой»⁷. Однако для Флоренского апология Средних веков – не самоцель: он стремится актуализировать «Комедию», показать, что средневековая космология – не пережиток и не вчерашний день, современная наука находится лишь на подступах к утверждаемой в ней картине мира. Иными словами, возврат современному естествознанию к «Данте-Аристотелевской науке о началах сущего» [1, с. 50] есть симптом Нового Средневековья: «разрывая время, – завершает философ

⁶ Пространство «Божественной комедии» также являет иконические свойства. На высших ступенях Небесной иерархии видимое не воспринимается в перспективе: приближаясь к Эмпирею, Данте видит далекие и близкие объекты одинаково хорошо (в пер. М. Лозинского: «Там близь и даль давать и брать не властны»). Об иконичности Дантова пространства пишет А.Ф. Лосев: «“Комедия” передает изысканный плоскостной характер изображения, который в византийских иконах как бы завершает свою трехмерность уже в высшем мире» [3, с. 207].

⁷ См.: Betea D.M. *Relativity and Reality: Dante, Florensky, Lotman, and Metaphorical Time-Travel* // Betea D.M. *The Superstitious Muse: Thinking Russian Literature Mythopoetically*. Boston: Academic Studies Press, 2009. С. 154 [4].

книгу, – “Комедия” неожиданно оказывается не позади, а впереди нам современной науки»⁸.

Наконец, из «Мнимостей» следует, что не только Дантова, но и положенная в ее основу античная (Птолемея) космология поддается интерпретации с позиций современного естествознания. Для Флоренского как приверженца платонизма данное положение особенно ценно: «разве это не пересказ в физических терминах признаков идей, по Платону – бестельных, непротяженных, неизменяемых вечных сущностей», – восклицает он, говоря о физике ноуменального мира⁹. Данное положение, пунктиром намеченное в «Мнимостях», в полной мере развернет А.Ф. Лосев в работе «Античный космос и современная наука» (1927 г.), где покажет, что созданная Флоренским модель приложима к космологическим представлениям Античности¹⁰.

Таким образом, в свете дантеаны Серебряного века заслуживают комментария следующие тезисы книги П.А. Флоренского: реабилитация и актуализация средневековой картины мира; противопоставление Средних веков Ренессансу; утверждение символического миропонимания, в пределах которого путь к иной (небесной, ноуменальной) действительности открывается при условии доверия ее здешней (земной, феноменальной) стороне, даже если речь идет о действительности, сотворенной художественным гением автора.

* * *

«Дантовский текст» Серебряного века неоднократно становился объектом внимания как профессиональных дантологов (И. Голенищева-Кутузова, Р. Хлодовского, С. Бэлзы, А. Асоян и др.), так и русистов (Л. Силард, П. Дэвидсон, В. Поттхоффа, О. Седаковой, В. Полонского и др.), и изучался преимущественно на литературном материале. Большинство исследователей считает оправданным вывод о формировании в русской культуре особого модуса восприятия творчества Данте. «Возможно, отсутствие авторитетных стереотипов восприятия “Комедии” и послужило предпосылкой очень личного, непредвзятого отношения к поэме Данте, его судьбе и всему творчеству. Итальянский поэт был “прочитан” в свете проблем национальной культуры», – указывает А. Асоян [6, с. 193]. Как отмечает П. Дэвидсон, «русских Данте было столько же, сколько крупных периодов русской мысли»¹¹, и Серебряный век, по словам Н. Барковской, «актуализировал и “приватизировал” Данте, уже

⁸ См.: Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. С. 53.

⁹ Там же. С. 52.

¹⁰ См.: Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Изд-во «Мысль», 1993. С. 61–612. С. 212–216; 282–284 [5].

¹¹ См.: Davidson P. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist's perception of Dante. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. С. 14 [7].

ставшего к началу XX в. культурной эмблемой»¹². Поскольку далее разговор пойдет о весьма специфичной трактовке «Комедии», тема национального «прочтения» творчества Данте неизбежно окажется в фокусе рассмотрения. Основное внимание при этом будет уделено философской мысли Серебряного века, для которой, как можно видеть на примере работы П.А. Флоренского, оценка творчества Данте неотделима от взгляда на историко-культурный процесс и, в первую очередь, на суть средневековой и ренессансной эпох.

В этой связи нельзя не упомянуть об ученом-итальянисте А.Н. Веселовском (1838–1906), оказавшем, возможно, решающее влияние на формирование феномена «русского Данте». Веселовский заложил основы отечественного дантоведения, к рубежу XIX и XX вв. его работы получили широкое признание. Он называл «Комедию» ультракатолическим выражением Средних веков¹³ и рассматривал как феномен, укорененный в средневековом религиозном сознании. Именно Веселовский, по-видимому, первым в России выступил с критикой Ренессанса. В статьях «Взгляд на эпоху Возрождения в Италии» (1870 г.) и «Противоречия итальянского Возрождения» (1888 г.) он пишет о внутреннем расколе ренессансного человека, вызванном его отрывом от жизни и христианской религии. Такая оценка предваряет критику возрожденческой культуры русской мыслью Серебряного века.

Акцент на католической составляющей в творчестве Данте характерен для мыслителей, которым не свойственно апологетическое отношение к Средневековому Западу, среди них – Н.Ф. Федоров, В.В. Розанов, братья Е.Н. и С.Н. Трубецкие. Позицию Вл. Соловьёва можно назвать промежуточной. Хорошо известно его критическое отношение к Средним векам, изложенное в докладе и затем статье «Об упадке средневекового мирозерцания» (1892 г.), где утверждается, что Ренессанс и Новое время демонстрируют больший социально-нравственный и умственный прогресс¹⁴. В этом докладе С.Н. Булгаков отмечает влияние идей Н. Федорова¹⁵, который критически оценивал и католические Средние века, и поэму Данте. Вселенная Данте представлялась Федорову миром созерцательным, в то время как сам он проектировал Вселенную умерших как мир деятельный. «В католичестве он видит лишь ад, гибель, месть; в православии – всеобщее спасение, печалование о розни. Он очень не любит Данте: в дантовском “Аде” видит выражение католической мстительности, не-

¹² См.: Барковская Н. «Анти-Данте» как автопсихологическая проекция Дм. Мережковского // Toronto Slavic Quarterly. Toronto, 2016. № 57. С. 63 [8].

¹³ См.: Веселовский А.Н. Данте и митарства итальянского единства // Санкт-Петербургские ведомости. 1965. 21 мая. С. 1 [9].

¹⁴ О роли прогрессистской модели в учении творчестве Вл. Соловьёва см.: Седых О.М. Трактовка времени в учении В.С. Соловьёва и П.А. Флоренского: заметки к теме // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 4(57). С. 40–56 [10].

¹⁵ См.: Булгаков С.Н. Загадочный мыслитель (Н.Ф. Федоров) // Н.Ф. Федоров: pro et contra. Антология. Книга первая. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. С. 425 [11].

желание всеобщего спасения», – пишет о Федорове Н.А. Бердяев [12, с. 428]. Однако творчество Данте Соловьев оценивал совсем не по-федоровски. Современники говорили о его благоговейном отношении к «Божественной комедии» [6, с. 129]. Фигура Данте в глазах Соловьева обладает более высоким статусом, чем Средневековье по целому ряду причин, важная среди которых – образ Беатриче, отсылающий к софийному символу Вечной Женственности.

С начала XX в. акценты русской мысли меняются. Среди довольно широкого круга авторов, в число которых входили Вяч. Иванов, С. Булгаков, Н. Бердяев, П. Флоренский, общепринятой становится оценка Средневековья как культуры, в которой теоцентрическая установка обеспечивала гармоничную встроенность человека в универсум¹⁶. «Личность в средние века не ощущала себя иначе, как в иерархии соборного соподчинения общему укладу, долженствовавшему отражать иерархическую гармонию мира божественного; в эпоху Возрождения она оторвалась от этого небесно-земного согласия, почувствовала себя одинокою и в этом надменном одиночестве своеобразною и самоцельною», – говорит Вяч. Иванов [13, с. 284–285]. Взгляд этих мыслителей фокусируется не столько на конфессиональном «облике» Западного Средневековья, сколько на историко-культурных аспектах. Флоренский предлагает различать католичество до и после Ренессанса: «... в Возрождении Западная Церковь перенесла тяжкую болезнь, из которой вышла, многое потеряв, ... и – еще большой вопрос, как отнеслись бы к послевозрожденскому католичеству средневековые носители католической идеи» [14, с. 474]. Культура Возрождения, таким образом, трактуется как отрыв человека от Бога и, как следствие, разрыв органических связей человека с миром (природой, обществом) и самим собой. В русской мысли Серебряного века складывается последовательная линия критики ренессансной культуры, которую продолжают А.Ф. Лосев и М.М. Бахтин.

При этом практически все критики Ренессанса, оценивая предпринятую им десакрализацию культуры как обеднение, делают исключение эпохе Данте и его «Комедии», т.е. XIII и XIV вв. Это время, напротив, рассматривается как эпоха создания высших и уникальных произведений человеческого духа: допуская необходимую степень творческой свободы, она еще питается религиозным корнями, что станет невозможно в дальнейшем, когда индивидуалистическое самоутверждение получит подлинно возрожденческие масштабы. С.Н. Булгаков связывает это время с высшими достижениями культуры «в области иератической»¹⁷. В таком контексте Данте Алигьери отводится роль, во-первых, завершителя и гениального выразителя средневекового миропонимания, и во-вторых, феномен Данте рассматривается как точка культурного «невозврата». «Необычайна, – пишет Бердяев, – была ... гениальность Данте,

¹⁶ Высокая оценка западноевропейского Средневековья присутствует также в трудах Д.С. Мережковского, Л.П. Карсавина, Л.И. Шестова, В.Ф. Эрн и др.

¹⁷ См.: Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. С. 326 [15].

но это был творческий духовный опыт, после которого выяснилось, что человечество не могло идти тем путем, который был предугадан всем средневековым сознанием» [16, с. 154], т.е. был актуализирован путь ренессансного самоутверждения человека. В работе «Обратная перспектива» (1919 г.) Флоренский отделяет феномен Данте от феномена его современника Джотто, который, экспериментируя с перспективой, уже «смотрит в иную сторону»¹⁸. По словам Вяч. Иванова, Данте – «последний представитель истинно “большого”, истинно мифотворческого искусства в области слова»¹⁹.

О XIV-м веке в «Спорадах» (1907 г.) Вяч. Иванов говорит следующее: «День истории сменяется ночью; и кажется, что ночи ее длиннее дней. Так, средневековье было долгою ночью ... в XIV-м веке кончается четвертая стража ночи, и в XV-м солнце стоит высоко» [19, с. 87]. «Спорады», по-видимому, первый текст Иванова, в котором проведено различие дневного и ночного типов культур, ставшее хрестоматийным в философии Бердяева и Флоренского. Последний прямо ссылается на Иванова: «В истории человечества мировые дни культуры периодически сменяются более длинными мировыми ночами культуры, говорит Вяч.И. Иванов, мудрый поэт и глубокомысленный исследователь религии. Такою ночью, архаической культурой, такою ночью является, например, Западное Средневековье – ночью не в том смысле, в каком утверждается ночная природа этой эпохи мыслителями, видящими в ней только мрак невежества, – но в ином смысле, открытом тому, кто знает, как знал Тютчев, ночную душу» [20, с. 186].

Культуры ночного типа Иванов называет примитивными или органическими. Они мировоззренчески целостны, в отличие от культур критических, т.е. дневного типа, для которых характерен внутренний раскол, произвол отдельных личностей и групп²⁰. Хотя история не знает «чистых» типов, к органическим Иванов причисляет доренессансные культуры (исключая древнеримскую), к критическим – Ренессанс и Новое время. Флоренский, по сути, придерживался той же схемы. Наиболее «чистым» ночным типом он считает Средневековье, дневным – Ренессанс. Ночной и дневной типы он называет собственно средневековым и ренессансным. Так, эпоха Нового времени – ренессансный тип, Античность – средневековый, т.е. ночной, хотя и с «проблесками» дневного сознания²¹. Данная схема позволяет пояснить, во-первых, принятое в «Мнимостях» объединение античной и средневековой моделей ми-

¹⁸ См.: Флоренский П.А. Обратная перспектива // Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 3(1). М.: Изд-во «Мысль», 1999. С. 63 [17].

¹⁹ См.: Иванов В.И. Поэт и чернь // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 137 [18].

²⁰ Последовательно данная типология изложена Вяч. Ивановым в докладе «О русской идее»: Иванов В.И. О русской идее // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 360–372 [21].

²¹ См.: Флоренский П.А. Обратная перспектива // Флоренский П.А. Сочинения. С. 59–60.

ра в единую модель. Во-вторых, сторонники концепции дневного и ночного типов сознания полагали, что в истории дневные и ночные силы циклически сменяют друг друга, и в современности, идущей на смену критической культуре Нового времени, видели симптомы роста ночного сознания. На этой основе складывается гипотеза Нового Средневековья, наиболее последовательно развитая Бердяевым и Флоренским, причем у Флоренского она получает не только философское, но и естественно-научное обоснование.

Весьма иллюстративен взгляд на Ренессанс, Средние века и Данте, представленный в трудах А.Ф. Лосева – ученика и последователя Флоренского. Критическое отношение Лосева к западной ренессансной культуре известно, прежде всего, по книге «Эстетика Возрождения» (1972 г.). Однако довольно жесткая критика Ренессанса в его трудах появляется гораздо раньше, во второй половине 1920-х гг., в «Дополнении» к «Диалектике мифа» (1930 г.)²². Переход от Средних веков к Новому времени он считает эпохой «величайшей мировой катастрофы»²³, а средневековое мирозерцание, об упадке которого говорил Вл. Соловьев, определяет как основанное «на культе и стихии личности, на самом зорком и внимательном отношении к ее судьбам»²⁴. В итоге в русской мысли Средневековье получает оценку, традиционно соотносившуюся с Ренессансом, и если за начальную точку принять позицию Соловьева, напрашивается вывод, что к исходу Серебряного века взгляд русской религиозно-философской мысли на Средние века претерпел полную трансформацию.

По мнению Лосева, уникальный характер символизма «Божественной комедии» позволяет рассматривать творчество Данте как яркий образец Проторенессанса: «Самое же главное – это, наряду с довольно резким использованием аллегорического приема, потрясающий символизм, когда изображаемый предмет не указывает на что-нибудь другое, а только на самого же себя. <...> Пластическая материальность потрясающим образом характеризует собою у Данте иной раз максимально духовные сущности. При всей связи Данте со средневековым мировоззрением его художественные образы настолько индивидуальны и неповторимы, настолько единичны и в то же время пронизаны одной и всеобщей идеей, что в конце концов невозможно даже поставить вопрос о том, идеализм ли здесь перед нами или реализм» [4, с. 207].

Хотя А.Ф. Лосев использует вошедший в обиход исторической науки термин «проторенессанс», его взгляд на Данте сближается с взглядом Флоренского и тех мыслителей, которые подчеркивали особое историко-культурное положение Данте и его «Комедии». В характеристике Лосева обращает внимание очевидное обстоятельство: установка в отношении действительности, которую он видит в «Комедии», является отличительной

²² См.: Тахо-Годи Е.А. Данте в трудах, лекциях и прозе А.Ф. Лосева (Подступы к теме) // Данте Алигьери: pro et contra. Изд-во: РХГА, 2011. С. 629–645 [22].

²³ См.: Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Изд-во «Мысль», 2001. С. 255 [23].

²⁴ Там же. С. 256.

чертой русской религиозно-философской мысли: она не может быть признана идеализмом или реализмом, поскольку в своем стремлении к целостности объединяет и то и другое. Такое объединение Флоренский называл антиномией, а свою философскую систему определял как конкретную метафизику. Можно предположить, что именно уникальный характер символизма «Божественной комедии», продиктованный ее особым историко-культурным статусом, побуждает русскую мысль пристально вглядываться в феномен Данте и находить в нем близкое и созвучное.

В эпоху Серебряного века природа символизма «Божественной комедии» детальнее всего обсуждалась в среде русских символистов. Поскольку П.А. Флоренский разделял основные положения символистской эстетики²⁵, невозможно оставить без внимания вопрос о том, находят ли они какое-то какое соответствие в девятом параграфе «Мнимостей в геометрии».

Начиная с 1920-х гг. тема «Данте символистов» обращала на себя, по видимому, самое пристальное внимание исследователей, которые стремились выявлять именно то, что русским символистам представлялось близким и созвучным в творчестве итальянского поэта, будь то образ Прекрасной Дамы (Н. Минский), смысл любви (А. Асоян), посвятительная символика (Л. Силард) или идеальное художество (П. Дэвидсон). Символисты не подвергали сомнению то обстоятельство, что своей символической составляющей творчество Данте обязано средневековой религиозной эстетике. Однако подчеркивали, что в случае Данте речь идет о таком типе художественного символизма, за которым стоит личность, художник, сознательное усилие автора. В этом аспекте творчество Данте представлялось символистам не просто близким и созвучным, отвечающим их собственным эстетическим установкам, но также высочайшим художественным образцом: «Для религиозных символистов Данте – как высший представитель средневековой культуры – был прообразом идеального художника, сумевшего интегрировать религию и искусство на самом глубоком уровне», – отмечает П. Дэвидсон [7, с. 15].

Существо Дантовой символики русские символисты видели в ее принципиальной неисчерпаемости, отвергая возможность ее единственного или конечного толкования. Так, Эллис (один из переводчиков «Комедии»), ссылаясь на упомянутые в «Пире» Данте четыре способа экзегезы – буквальный, аллегорический, моральный, анагогический, сообразно которым комментаторы предлагали толковать «Комедию», отрицает возможность выбора одного или нескольких из них. В «Комедии», пишет он, имеется «намек на бездонную тай-

²⁵ См.: Павел Флоренский и символисты: Опыт литературные. Статьи. Переписка / сост., подгот. текста и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004 [24].

ну»²⁶, особенно в финале «Чистилища» и кантике «Рая», художественные образы которых не являются аллегорией, не сводимы к моральному или, казалось бы, уместному в данном случае анагогическому толкованию, – следует говорить об их глубочайшем символизме. «Комедию» нельзя рассматривать односторонне, например лишь со стороны ее религиозного содержания: Данте – не «Фома Аквинский в терцинах»²⁷. В то же время религиозная составляющая поэмы предостерегает от ее истолкования как чистого искусства. Символистский взгляд на «Комедию» позволяет пояснить то безусловное доверие, которое Флоренский оказывает художественным построениям Данте: будучи подлинно религиозным художеством, его поэма, созданная в эпоху, когда религия и наука еще не разошлись в разные стороны, принимается как научно достоверный источник.

Символистский взгляд на творчество Данте получил последовательное выражение в эстетике Вяч. Иванова, который признавал право индивидуально (не только стихийного, народного, дионисийского) искусства быть подлинным символотворчеством при условии, что художник руководствуется религиозной идеей. Доверие Флоренского конкретике Дантовых образов в полной мере становится понятным в свете ивановского тезиса о реализме как подлинном символизме²⁸: «Символизм реалистический ищет в вещах знак их онтологической ценности и связи, т.е. *realia in rebus*. Стремится посредством такого изображения мира, привести того, к кому он обращается, осуществляя таким образом по-своему анагогический завет средневековой эстетики» [27, с. 665]. К реалистическому символизму Иванов причислял как творчество русских символистов, так и поэму Данте: «в создании искусства вещество сквозит, *опрозрачивается* (выделено мной – О.С.) и являет взору естество божественное, – или устами Данта, о том, как божественная “Любовь, движущая солнце и другие звезды”, принуждает художника служить ей и являть людям ее тайны» [28, с. 178–179]. Принятие Дантовых описаний как реальности позволяет автору «Мнимостей» проделать путь *a realibus ad realiora*: буквально следуя за Данте и Вергилием, он приходит к физическому обоснованию ноуменальной реальности.

Метафора прозрачности²⁹, к которой нередко прибегали символисты, говоря о сути символистского миропонимания, находит буквальное приложение в «Мнимостях». В математической части книги Флоренский предлагает соотнести область мнимых чисел с оборотной стороной евклидовой плоскости,

²⁶ См.: Эллис (Л.Л. Кобылинский). Учитель веры // Данте Алигьери: pro et contra. СПб.: РХГА, 2011. С. 182 [25].

²⁷ Там же.

²⁸ Данный тезис получил развитие как у Вяч. Иванова, так и у П.А. Флоренского (см., например: Шишкин А.Б. Реализм Вячеслава Иванова и о. Павла Флоренского // Флоренский: pro et contra. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 714–727 [26]).

²⁹ О логике прозрачности у Флоренского см. также: Подорога В.А. Эрос и физика «прозрачности». Павел Флоренский // Павел Александрович Флоренский. М.: РОССПЭН, 2013. С. 125–155 [29].

оставив действительные числа на своих местах, т.е. на лицевой стороне плоскости. Наглядно это можно представить, если допустить, что плоскость прозрачна и для сферической поверхности, т.е. римановой плоскости, различие на лицевой и оборотной сторонах будет весьма существенным. Попадая в небесный мир, Данте и Вергилий оказываются на оборотной стороне римановой плоскости, в мире «мнимых» параметров. Если же представить плоскость прозрачной, получаем наглядную модель символа, в которой запредельный мир «просвечивает» сквозь земные явления.

Также в связи с «Комедией» заслуживает внимания символистский тезис о подлинном искусстве как теургии, подразумевающей мистериальный опыт. Как отмечает Л. Силард, русские символисты – Д. Мережковский, Вяч. Иванов, А. Белый, Эллис – глубину Дантовой символики и мистики увидели, прежде всего, как посвятельную, т.е. мистериальную³⁰. Флоренский разделял концепцию теургии (в его работе «Иконостас» (1918 г.) раскрывается теургическая сущность иконописного искусства). Как и Вяч. Иванов, он придавал большое значение мистериальным практикам древности, а в мистериальных культах видел исток универсального мифического нарратива, который обнаруживается и в диалогах Платона, и в «Божественной комедии» Данте: «Мистериальное умирание и неземные видения посвящаемого, а также некромантия посвященных центров древности дают начало мифическим сказаниям о схождении во ад. Можно проследить, как сюжет схождения во ад омирщается: Саул, Иштар, Одиссей, Эней, Христос в апокрифах, Ир (у Платона), святой Косма игумен, святой Патрикий, просветитель Ирландии, Данте ...» [31, с. 76]. И поскольку культурой, содержащей очевидную мистериальную составляющую, для Флоренского, как и для Иванова, была Античность, ее мистериальный опыт мыслители экстраполируют на иные культуры и культурные феномены ночного типа, среди которых приоритетную позицию занимают Средневековье и «Комедия» Данте.

Разговор символистов о Данте останется незавершенным без обращения к книге Д.С. Мережковского «Данте» (1939 г.). Хотя она создавалась в эмиграции, уже не в период Серебряного века, в ней, как отмечает В. Полонский, «Мережковский выступает в качестве компилятора, законсервировавшего в одном произведении компендиум общих мест отечественной дантеаны Серебряного века» [32, с. 126]. Действительно, многие положения книги согласуются с рассмотренными выше аспектами «дантовского текста». Как и другие символисты, Мережковский видит в Данте величайшего символотворца: «Комедия» определяется как «возводящая от земли к небу лестница, чья каждая ступень – символ»³¹, чьи художественные образы не непроницаемо тусклы и плоски, но

³⁰ См.: Силард Л. Дантов код русского символизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 162–205 [30].

³¹ См.: Мережковский Д.С. Данте <Фрагменты> // Данте Алигьери: pro et contra. СПб.: РХГА, 2011. С. 38 [33].

глубоки и прозрачны, за ними скрыт мир иной, которой «опрокинут в этом, как небо в зеркале вод»³². Мережковский называет «Комедию» грандиозным синтезом, соединением несоединимого – личного и общечеловеческого, религиозного и светского, духа и плоти, небесного и земного, что задает теургический смысл поэмы. Автору книги не чужда дихотомия дневного и ночного: «Дантова “Святая Поэма” и есть эта свивающая накинутый над бездной “золотой ковер” – “покров дня” – Святая Ночь, потому что в здешнем порядке день покрывается ночью, а в нездешнем – ночь – днем» [33, с. 37]. Наконец, Мережковский последовательно противопоставляет Средневековье, репрезентируемое Данте, и Возрождение, соотносимое с фигурой Леонардо и образом Фауста: если Данте соединяет земной и небесный миры, Возрождение их разъединяет, его следовало бы называть вырождением христианского человечества. Как видим, в своих рассуждениях Мережковский близок Бердяеву, Флоренскому и тому кругу авторов, для которых значима антитеза Средних веков и Ренессанса. И, хотя книга Мережковского подводит итог дантеане Серебряного века, стоит вспомнить, что ее автор стоял у истоков русской критики Ренессанса. В его творчестве она появляется на рубеже XIX и XX вв. в романах трилогии «Воскресшие боги» (1895–1907 гг.), один из которых посвящен Леонардо, в тот же период у писателя сложился устойчивый интерес к творчеству Данте.

* * *

Подводя итоги, стоит вернуться к теме национальной «почвы», формировавшей образ «русского Данте». В первую очередь закономерен вопрос о факторах, предопределивших идеализированный образ средневековой культуры, сложившийся в эпоху Серебряного века. Среди них можно выделить очевидные, в частности связанные с внешним влиянием, каким было, например, влияние немецкого романтизма на эстетику русского символизма (в статье о Данте Эллис подчеркивает роль Новалиса³³, который, как известно, поэтизировал Ночь и Средние века). Другим очевидным фактором следовало бы назвать феномен Вяч. Иванова – мыслителя, имевшего исключительный авторитет в эпоху Серебряного века. Переосмысляя Ницше, он концептуализирует дионисийский миф в связи с чем объектом поэтизации в его творчестве становится мистериальная – ночная³⁴ – тематика. В таком случае в качестве основания для сближения Античности и Средневековья как культур ночного типа можно рассматривать предпринятое Ивановым сближение Диониса с христианством и истолкование христианства как высшей мистерии. Точно так же христианство трактуется Флоренским – как «своего рода мистерия мистерий, или, иначе го-

³² См.: Мережковский Д.С. Данте <Фрагменты> // Данте Алигьери: pro et contra. С. 35.

³³ См.: Иванов В.И. Символизм // Вяч.И. Иванов. Собрание сочинений. Т. 2. С. 178.

³⁴ Вяч. Иванов связывал Диониса со стихией Ночи: «Дионис раньше Аполлона пришел в Дельфы как прорицатель (promantis) Ночи: через него прорицает богиня Нух» [34, с. 39].

воя, как абсолютная мистерия, пред которой все прочие мистерии лишь сень и подобие»³⁵.

Менее очевидны факторы внутренние, связанные с собственно национальными «доминантами». Серебряный век называют русским Ренессансом, и, если не считать это только метафорой, нужно вспомнить, что ренессансные эпохи стремились к восстановлению значимых пластов культурной и исторической памяти³⁶. Такой процесс, несомненно, связан и с русской культурой Серебряного века³⁷. В XIX в. его предпосылки были заложены идейным движением славянофильства. Начиная с И. Киреевского, славянофилы высоко оценивали византийский фактор русской истории, т.е. христианскую культуру Средневековья (и не только восточную). Например, К. Леонтьева С. Трубецкой называл романтиком, «грезящим средневековым рыцарством, замками, средневековым папством»³⁸, потому, добавляет Н. Бердяев, он «не мог вынести статьи Вл. Соловьёва “Об упадке средневекового мирозерцания”»³⁹. Славянофилы подчеркивали очевидное историческое обстоятельство: в русле византийской традиции разрыв между Античностью и Средними веками не был столь резким, как на Западе. Итальянский Ренессанс, в отличие от русского (если таковым считать Серебряный век), всячески стремился обозначить этот разрыв, тем самым приблизить Античность к собственной современности в обход опосредующего периода, который именно в этой связи получил название «средние века». Мысль Серебряного века, напротив, сглаживает грань между античной и средневековой эпохами, отделяя их от Возрождения и прозревая в обеих мистериальное начало.

На этом фоне становятся понятны причины особого внимания русской мысли Серебряного века к фигуре Данте Алигьери. В его творчестве осуществляется синтез античной и средневековой традиций, восстановление памяти античной культуры; по выражению Н. Минского, в «Божественной комедии» «христианская святость искала творчески соединиться с эллинской красотой»⁴⁰. Античное наследие у Данте настолько органично встроено в средне-

³⁵ См.: Полонский В.В. Русский Данте конца XIX – первой половины XX в: опыт рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога // Литературоведческий журнал. 2015. № 37. С. 203–204.

³⁶ См.: Седых О.М., Гришатов Ю.Л. Русский Ренессанс о Ренессансе // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 111–121 [35].

³⁷ Среди прочего, восстановление и развитие в русской религиозно-философской мысли Серебряного века получают восточнохристианская догматика и богословие. Американский славист Р.А. Пул подчеркивает в этой связи особое значение Халкидонского догмата (см.: Pool R.A. The Liberalism of Russian Religious Idealism in The Oxford Handbook of Russian Religious Thought. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 255–276 [36]).

³⁸ См.: Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // К.Н. Леонтьев: Pro et contra. Антология. Книга 1. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. С. 125 [37].

³⁹ См.: Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К.Н. Леонтьев: Pro et contra. Антология. Кн. 2. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. С. 117 [38].

⁴⁰ См.: Минский Н.М. От Данте к Блоку. Берлин: Изд-во «Мысль», 1922. С. 17 [39].

ковую картину миру, что это позволяет Н. Бердяеву, одному из последовательных критиков Возрождения, рассматривать XIII и XIV вв. как время подлинного христианского Ренессанса, в котором возврат к античным формам сочетался с действенностью христианской религиозной идеи. «Данте, – пишет Бердяев, – был высшей точкой средневекового Ренессанса»⁴¹, и в ней западноевропейская духовная культура достигла своего апогея. Позднее, в XV в., наступила эпоха нового гуманизма, который выразился в противоборстве христианских и языческих течений, что привело к распаду и расколу западноевропейской культуры и человека Нового времени.

В юбилейной статье о Данте, изданной, как и «Мнимости в геометрии», в 1922 г., писатель Б. Зайцев приходит к выводу, что гармония «Божественной комедии» заключена «в вольном, естественном сожительстве непосредственно-художественного с религиозно-философским, политическим, церковным. Все имеет в поэме свою жизнь, не ломая и не стесняя другого. Потому-то разные люди с одинаковым почтением приближались и будут приближаться к ней: поэты, теологи, моралисты, историки средневековья, историки итальянского Ренессанса. Для всех находится здесь интересное и важное» [40, с. 218]. В творчестве Данте Алигьери русские мыслители увидели «сожительство» начал, оказавшихся «отвлеченными» в культурах Ренессанса и Нового времени, а в уникальном историко-культурном положении «Комедии» Данте – ценную возможность для культуротворчества, являющегося плодом усилий светского автора, быть высшим произведением духа. И если творчество Данте предваряет движение культуры от религиозного к светскому (Д. Мережковский называет Данте религиозным деятелем в миру), то религиозно-философская мысль Серебряного века отмечена противоположными тенденциями, предопределившими закономерность их встречи.

Список литературы

1. Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии (опыт нового истолкования мнимостей). М.: Едиториал УРСС, 2004. 72 с.
2. Андроник (Трубачев), игумен. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Кн. 4. М.: Изд. дом «Городец», 2016. 512 с.
3. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Изд-во «Мысль», 1998. 750 с.
4. Betea D.M. Relativity and Reality: Dante, Florensky, Lotman, and Metaphorical Time-Travel // Betea D.M. The Superstitious Muse: Thinking Russian Literature Mythopoetically. Boston: Academic Studies Press, 2009. P. 149–166.
5. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Изд-во «Мысль», 1993. С. 61–612.
6. Асоян А.А. «Почтите высочайшего поэта...». Судьба «Божественной комедии» Данте в России. М.: Книга, 1990. 214 с.

⁴¹ См.: Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж: YMCA-Press, 1969. С. 157.

7. Davidson P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 320 p.
8. Барковская Н.В. «Анти-Данте» как аутопсихологическая проекция Дм. Мережковского // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 57. P. 62–75.
9. Веселовский А.Н. Данте и митарства итальянского единства // Санкт-Петербургские ведомости. 1965. 21 мая. С. 1–2.
10. Седых О.М. Трактовка времени в учении В.С. Соловьёва и П.А. Флоренского: заметки к теме // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 4(56). С. 42–57.
11. Булгаков С.Н. Загадочный мыслитель (Н.Ф. Федоров) // Н.Ф. Федоров: pro et contra. Антология. Книга первая. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. С. 391–399.
12. Бердяев Н.А. Религия воскресения («Философия общего дела» Н.Ф. Федорова) // Н.Ф. Федоров: pro et contra. Антология. Книга первая. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. С. 424–468.
13. Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 282–311.
14. Флоренский П.А. Иконостас // Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 2. М.: Изд-во «Мысль», 1995. С. 419–526.
15. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
16. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж: YMCA-Press, 1969. 273 с.
17. Флоренский П.А. Обратная перспектива // Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 3(1). М.: Изд-во «Мысль», 1999. С. 46–100.
18. Иванов В.И. Поэт и чернь // Иванов В.И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 138–142.
19. Иванов В.И. Споры // Иванов В.И. Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 75–90.
20. Флоренский П.А. Из истории античной философии. М.: Академический проект, 2015. 524 с.
21. Иванов В.И. О русской идее // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 360–372.
22. Тахо-Годи Е.А. Данте в трудах, лекциях и прозе А.Ф. Лосева (Подступы к теме) // Данте Алигьери: pro et contra. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 629–645.
23. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Изд-во «Мысль», 2001. 558 с.
24. Павел Флоренский и символисты: Опыт литературные. Статьи. Переписка / сост., подгот. текста и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. 704 с.
25. Эллис (Л.Л. Кобылинский). Учитель веры // Данте Алигьери: pro et contra. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 175–190.
26. Шишкин А.Б. Реализм Вячеслава Иванова и о. Павла Флоренского // Флоренский: pro et contra. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 714–727.
27. Иванов В.И. Символизм // Иванов В.И. Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974. С. 652–669.
28. Иванов В.И. Взгляд Скрябина на искусство // Иванов В.И. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. С. 171–189.
29. Подорога В.А. Эрос и физика «прозрачности». Павел Флоренский // Павел Александрович Флоренский. М.: РОССПЭН, 2013. С. 125–155
30. Силард Л. Дантов код русского символизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 162–205.
31. Флоренский П.А. Философия культа. М.: Мысль, 2004. 685 с.
32. Полонский В.В. Русский Данте конца XIX – первой половины XX в: опыт рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога // Литературоведческий журнал. 2015. № 37. С. 111–130.

33. Мережковский Д.С. Данте <Фрагменты> // Данте Алигьери: pro et contra. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 31–167.
34. Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейа, 1994. 350 с.
35. Седых О.М., Гришатов Ю.Л. Русский Ренессанс о Ренессансе // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 111–121.
36. Pool R.A. The Liberalism of Russian Religious Idealism // The Oxford Handbook of Russian Religious Thought. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 255–276.
37. Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // К.Н. Леонтьев: Pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. С. 127–159.
38. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К.Н. Леонтьев: Pro et contra. Антология. Кн. 2. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. С. 29–179.
39. Минский Н.М. От Данте к Блоку. Берлин: Изд-во «Мысль», 1922. 54 с.
40. Зайцев Б.К. Данте и его поэма // Данте Алигьери: pro et contra. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 204–220.

References

(Sources)

Collected Works

1. Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vol., vol. 1]. Moscow: Progress, 1995. 518 p.
2. Florenskiy, P.A. Ikonostas [Iconostasis], in Florenskiy, P.A. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Collected Works in 4 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1995, pp. 419–526.
3. Florenskiy, P.A. Obratnaya perspektiva [Reverse Perspective], in Florenskiy, P.A. *Sochineniya v 4 t., t. 3(1)* [Collected Works in 4 vol., vol. 3(1)]. Moscow: Mysl', 1999, pp. 46–100.
4. Ivanov, V.I. Simvolizm [Symbolism], in Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 2* [Collected Works in 4 vol., vol. 2]. Brussels: Foyer Oriental Chretien, 1974, pp. 652–669.
5. Ivanov, V.I. Vzgl'yad Skryabina na iskusstvo [Scriabin's View of Art], in Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected Works in 4 vol., vol. 3]. Brussels: Foyer Oriental Chretien, 1979, pp. 171–189.

Individual Work

6. Berdyaev, N.A. *Smysl istorii. Opyt filosofii chelovecheskoy sud'by* [The Meaning of History: An Essay on the Philosophy of Human Destiny]. Paris: YMCA-Press, 1969. 273 p.
7. Berdyaev, N.A. Religiya voskresheniya («Filosofiya obshchego dela» N.F. Fedorova) [The Religion of Resurrection ("The Philosophy of the Common Task" by N.F. Fyodorov)], in N.F. Fedorov: *pro et contra. Antologiya. Kniga pervaya* [N.F. Fyodorov: pro et contra. Anthology. The First Book]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2004, pp. 424–468.
8. Berdyaev, N.A. Konstantin Leont'ev (Ocherk iz istorii russkoy religioznoy mysli) [Konstantin Leontiev (An Essay from the History of Russian Religious Thought)], in K.N. Leont'ev: *pro et contra. Antologiya. Kniga 2.* [K.N. Leontiev: pro et contra. Anthology. The Book 2]. Saint-Petersburg: RKhGI, 1995, pp. 29–179.
9. Bulgakov, S.N. *Svet nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya* [Unfading Light: Contemplations and Speculations]. Moscow: Respublika, 1994. 415 p.
10. Bulgakov, S.N. Zagadochnyy myslitel' (N.F. Fedorov) [The Mysterious Thinker (N.F. Fyodorov)], in N.F. Fedorov: *pro et contra. Antologiya. Kniga pervaya* [N.F. Fyodorov: pro et contra. Anthology. The First Book]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2004, pp. 391–399.
11. Ellis (L.L. Kobylinskiy). Uchitel' very [The Teacher of Faith], in *Dante Alig'eri: pro et contra*. Saint-Petersburg: RKhGA, 2011, pp. 175–190.

12. Florenskiy, P.A. *Mnimosti v geometrii* [On the Imaginaries in Geometry]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 72 p.
13. Florenskiy, P.A. *Iz istorii antichnoy filosofii* [From the History of Ancient Philosophy]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2015. 524 p.
14. Florenskiy, P.A. *Filosofiya kul'ta* [The Philosophy of Cult]. Moscow: Mysl', 2004. 685 p.
15. Ivanov, V.I. O russkoy idee [On Russian Idea], in Ivanov, V.I. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and Universal]. Moscow: Respublika, 1994, pp. 360–372.
16. Ivanov, V.I. Sporady [Sporades], in Ivanov, V.I. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and Universal]. Moscow: Respublika, 1994, pp. 75–90.
17. Ivanov, V.I. Dostoevskiy i roman-tragediya [Dostoevsky and the Novel-tragedy], in Ivanov, V.I. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and Universal]. Moscow: Respublika, 1994, pp. 282–311.
18. Ivanov, V.I. Poet i chern' [The Poet and the Rabble], in Ivanov, V.I. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and Universal]. Moscow: Respublika, 1994, pp. 138–142.
19. Losev, A.F. *Dialektika mifa* [The Dialectics of Myth]. Moscow: Mysl', 2001. 558 p.
20. Losev, A.F. *Estetika Vozrozhdeniya* [The Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl', 1998. 750 p.
21. Losev, A.F. Antichnyy kosmos i sovremennaya nauka [Ancient Space and Modern Science], in Losev, A.F. *Bytie. Imya. Kosmos* [Being. Name. Space]. Moscow: Mysl', 1993, pp. 61–612.
22. Merezhkovskiy, D.S. Dante <Fragments> [Dante <Fragments>], in *Dante Alig'eri: pro et contra*. Saint-Petersburg: RKhGA, 2011, pp. 31–167.
23. Minskiy, N.M. *Ot Dante k Bloku* [From Dante to Blok]. Berlin: Mysl', 1922. 54 p.
24. Trubetskoy, S.N. Razocharovanny slavyanofil [The Disappointed Slavophile], in *K.N. Leont'ev: pro et contra. Antologiya. Kniga 1* [K.N. Leontiev: pro et contra. Anthology. The Book 1]. Saint-Petersburg: RKhGI, 1995, pp. 127–159.
25. Veselovskiy, A.N. Dante i mytarstva ital'yanskogo edinstva [Dante and the Ordeal of Italian Unity], in *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 1965, 21 May, pp. 1–2.
26. Zaytsev, B.K. Dante i ego poema [Dante and his Poem], in *Dante Alig'eri: pro et contra*. Saint-Petersburg: RKhGA, 2011, pp. 204–220.

(Articles from Scientific Journals)

27. Barkovskaya, N.V. «Anti-Dante» kak avtopsikhologicheskaya proektsiya Dm. Merezhkovskogo [“Anti-Dante” as Dm. Merezhkovsky’s Autopsychological Projection], in *Toronto Slavic Quarterly*, 2016, no. 57, pp. 62–75.
28. Polonskiy, V.V. Russkiy Dante kontsa XIX – pervoy poloviny XX v: opyty retseptsii i interpretatsii klassiki do i posle revolyutsionnogo poroga [Russian Dante at the end of the 19th – the first half of the 20th century: Experiences of Reception and Interpretation of the Classics before and after the Revolutionary Threshold], in *Literaturovedcheskiy zhurnal*, 2015, no. 37, pp. 111–130.
29. Sedykh, O.M., Grishatova, Yu.L. Russkiy Rennans o Rennansse [Russian Renaissance about the Renaissance], in *Voprosy filosofii*, 2015, no. 6, pp. 111–121.
30. Sedykh, O.M. Traktovka vremeni v uchenii V.S. Solov'eva i P.A. Florenskogo: zametki k teme [The Interpretation of Time in the Doctrine of V.S. Solovyov and P.A. Florensky: Notes on the Topic], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2017, issue 4 (56), pp. 42–57.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

31. Betea, D.M. Relativity and Reality: Dante, Florensky, Lotman, and Metaphorical Time-Travel, in Betea, D.M. *The Superstitious Muse: Thinking Russian Literature Mythopoetically*. Boston: Academic Studies Press, 2009, pp. 149–166.

32. Podoroga, V.A. Eros i fizika «prozrachnosti». Pavel Florenskiy [Eros and Physics of "Transparency". Pavel Florensky], in *Pavel Aleksandrovich Florenskiy*. Moscow: ROSSPEN, 2013, pp. 125–155.

33. Pool, R.A. The Liberalism of Russian Religious Idealism, in *The Oxford Handbook of Russian Religious Thought*. Oxford: Oxford University Press, 2020, pp. 255–276.

34. Silard, L. Dantov kod ruskogo simbolizma [Dante's Code of Russian Symbolism], in Silard, L. *Germetizm i germenevtika* [Hermeticism and Hermeneutics]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2002, pp. 162–205.

35. Shishkin, A.B. Realizm Vyacheslava Ivanova i o. Pavla Florenskogo [The realism by Vyacheslav Ivanov and Priest Pavel Florensky], in *Florensky: pro et contra*. Saint-Petersburg: RKhGI, 2001, pp. 714–727.

36. Takho-Godi, E.A. Dante v trudakh, lektsiyakh i proze A.F. Loseva (Podstupy k teme) [Dante in the Works, Lectures and Prose of A.F. Losev (Approaches to the Topic)], in *Dante Alig'eri: pro et contra*. Saint-Petersburg: RKhGA, 2011, pp. 629–645.

(Monographs)

37. Andronik (Trubachev), igumen. *Lichnost', zhizn' i tvorchestvo svyashchennika Pavla Florenskogo. Kniga 4*. [Personality and Work of the Priest Pavel Florensky. Book 4]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Gorodets», 2016. 512 p.

38. Asoyan, A.A. «Pochtite vysochayshego poeta...». *Sud'ba «Bozhestvennoy komedii» Dante v Rossii* ["Honor the Highest Poet ...". The Destiny of Dante's "Divine Comedy" in Russia]. Moscow: Kniga, 1990. 214 p.

39. Davidson, P. *The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist's Perception of Dante*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 320 p.

40. Ivanova, E.V., ed. *Pavel Florenskiy i simbolisty: Opyty literaturnye. Stat'i. Peregovorki* [Pavel Florensky and the Symbolists: Literary Experiments. Articles. Correspondence]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 704 p.